

Дело необычной квартирантки

Шерлок Холмс активно занимался расследованием преступлений на протяжении двадцати трех лет. В течение семнадцати из них мне посчастливилось помогать ему и вести записи. Поэтому вполне понятно, что сейчас в моем распоряжении огромный материал, и самое сложное — не найти, а выбрать. Ежегодные хроники занимают целую полку. Имеются и объемистые папки с документами. Все это вместе взятое представляет ценнейший источник сведений не только для лиц, изучающих преступность, но и для тех, кого интересуют скандальные происшествия в общественной и политической сферах периода заката викторианской эпохи. Но я могу заверить авторов полных отчаяния писем, умолявших сохранить репутацию семьи и честное имя предков: у них нет оснований для опасений. Осмотрительность и высокое понимание профессионального долга, всегда отличавшие моего друга, играют решающую роль при отборе дел для моих воспоминаний. Злоупотреблять доверием мы не станем. Я резко осуждаю недавние попытки добраться до этих документов и уничтожить их. Нам известно, от кого они исходили, и Холмс уполномочил меня сообщить: если подобные посягательства повторятся, то все обстоятельства дела, касающегося политического деятеля, маяка и дрессированного баклана, будут немедленно преданы огласке. Тот, кому адресовано данное предупреждение, поймет меня.

Было бы неверным полагать, что всякое дело давало Холмсу возможность продемонстрировать удивительный дар наблюдательности и интуиции, которые я пытался подчеркнуть в своих мемуарах. Порой ему требовались значительные усилия, чтобы добраться до истины, а иногда разгадка внезапно приходила к нему. По правде говоря, ужасающие людские трагедии чаще всего не давали особого простора для раскрытия талантов Холмса. К подобным делам следует отнести и то, о котором я собираюсь рассказать. Излагая его, я изменил лишь некоторые имена и названия, а в остальном все соответствует действительности.

Однажды незадолго до полудня — это было в конце 1896 года — я получил записку от Холмса: он срочно вызывал меня к себе. Когда я приехал на Бейкер-стрит, в полном табачного дыма кабинете уже сидела, расположившись в кресле напротив него, пожилая дама, по виду располневшая хозяйка пансиона или гостиницы.

— Это миссис Меррилоу из Южного Брикстона, — сказал Холмс, указывая рукой в ее сторону. — Если и вы не в силах бороться со своими вредными привычками, Уотсон, можете курить, наша гостя не возражает. Она расскажет любопытную историю, которая в дальнейшем может привести к такому развитию событий, когда ваше присутствие станет необходимым.

— Сделаю все, что в моих силах.

— Видите ли, миссис Меррилоу, если я соглашусь навестить миссис Рондер, мне хотелось бы иметь свидетеля. Надеюсь, вы разъясните ей это, прежде чем мы к ней придем.

— Благослови вас Господь, мистер Холмс, — воскликнула наша посетительница, — она так жаждет встретиться с вами, что можете приводить с собой хоть толпу!

— В таком случае мы приедем сегодня сразу же после полудня. А теперь давайте разберемся, правильно ли я уяснил ситуацию. Вы сказали, что миссис Рондер является вашей квартиранткой вот уже семь лет, но за это время вы только раз видели ее лицо?

— Лучше бы мне вообще его не видеть! — ответила миссис Меррилоу.

— Итак, оно сильно изуродовано.

— Знаете, мистер Холмс, то, что я увидела, вообще едва ли можно назвать лицом. Однажды наш торговец молоком заметил его в окне и уронил свой бидон, разлив молоко по всему саду перед домом. Так оно выглядело. Когда я случайно застала миссис Рондер врасплох, она поспешила закрыться, а затем сказала: «Теперь, миссис Меррилоу, вы знаете, почему я никогда не снимаю вуаль».

— Вам известно хоть что-нибудь о ее прошлом?

— Ничего.

— Ее кто-то рекомендовал вам?

— Нет, сэр. У нее было много денег. Она не торгуясь выложила плату за три месяца вперед. В наше время такая бедная женщина, как я, не позволит себе упустить подобную клиентку.

— Она объяснила, почему выбрала именно ваш дом?

— Мой дом скромн и невелик, стоит он далеко от дороги и расположен в отдалении от других домов. Кроме того, она выяснила, что я беру всего одного квартиранта, а своей семьи у меня нет. Полагаю, она смотрела несколько домов, но мой подошел ей больше других. Миссис Рондер искала одиночества и покоя и была согласна за них платить.

— Так вы говорите, она не открывала своего лица все то время, что прожила у вас, исключая тот единственный случай? Да, это довольно занимательно. И неудивительно, что вы в конце концов захотели во всем разобраться.

— Дело даже не в том, мистер Холмс. Для меня вполне было бы достаточно того, что она исправно платит за квартиру. Более спокойного жильца — а она не доставляла мне никаких неудобств — трудно найти.

— В чем же тогда дело?

— Меня волнует ее здоровье, мистер Холмс. Она просто тает на глазах. Видимо, ее мучает нечто ужасное. Она вскрикивает во сне. А однажды ночью я слышала, как она кричала: «Жестокий! Зверь! Чудовище!» Это было так жутко. Утром я зашла к ней и сказала: «Миссис Рондер, ведь с вами что-то происходит. Если на душе у вас неспокойно, обратитесь к полиции или священнику. Возможно, кто-то сумеет вам помочь». — «О, только не полицейские! — сказала она. — Да и от священнослужителей я проку не жду. Но тем не менее мне станет гораздо легче, если перед смертью я расскажу правду хоть кому-нибудь». — «Уж коли вы не хотите иметь дело со Скотленд-Ярдом, существует ведь знаменитый частный сыщик, о котором столько пишут». Прошу прощения, мистер Холмс. Миссис Рондер буквально ухватилась за мое предложение. «Именно он-то мне и нужен! — воскликнула она. — Как же мне раньше не пришло в голову! Умоляю, приведите его сюда, миссис Меррилоу. А если он станет отказываться, скажите ему, что я жена Рондера, циркового укротителя хищников. И еще скажите: Аббас Парва». Вот она сама его написала: А-б-б-а-с П-а-р-в-а. «Это должно заставить мистера Холмса прийти, если только он таков, как я о нем думаю».

— Хорошо, миссис Меррилоу, — задумчиво произнес Холмс. — Я приду со своим другом мистером Уотсоном. Часам к трем ждите нас у себя на Брикстоне. А сейчас нам необходимо с ним побеседовать, а это как раз займет время до полудня.

Едва наша посетительница успела выкатиться из комнаты, — по-иному невозможно определить манеру миссис Меррилоу передвигаться, — как Шерлок Холмс с яростной энергией принялся перебирать кипу тетрадей, сваленных в углу, и листать страницы. Это продолжалось несколько минут, пока наконец он не провозгласил с удовлетворением: «Нашел, нашел то, что искал!» Холмс был так возбужден, что и не подумал вернуться в кресло, а уселся прямо тут же, на полу, словно Будда, скрестив ноги. Объемистые тетради для записей были разбросаны вокруг, а одна из них лежала открытой на коленях у моего друга.

— В свое время случай в Аббас Парва привлек мое внимание, дорогой мой Уотсон. Вот видите — здесь на полях заметки, которые свидетельствуют об этом. Должен признаться, мне так и не удалось найти тогда разгадку. Правда, я был убежден в ошибочности выводов судебного следователя. Неужели вы не помните трагедию, происшедшую в Аббас Парва?

— Нет, Холмс.

— А ведь в то время мы жили еще вместе. Конечно, и мои собственные впечатления довольно поверхностны. Информации оказалось явно недостаточно, ни одна из сторон не пожелала воспользоваться моими услугами. Прочитайте записи сами, если хотите.

— Может, вы просто напомните основные моменты?

— Это совсем не сложно. Надеюсь, мой рассказ пробудит вашу память. Имя Рондера, естественно, вам известно. По популярности он соперничал с Уомбвеллом и Сэгнером — знаменитыми владельцами цирковых аттракционов. Однако Рондер начал много пить, и его дела покатились под уклон. Вот тогда-то и случилась та страшная трагедия. Караван фургонов его передвижного цирка заночевал в Аббас Парва — небольшой деревушке в Беркшире. Цирк направлялся в Уимблдон и остановился здесь на ночлег. Представления не давали. Деревушка была так мала, что располагаться в ней основательно не имело смысла. Кроме прочих зверей, в труппе имелся прекрасный североафриканский лев по кличке Король Сахары. Рондер и его жена работали с ним в его клетке. Вот, поглядите, снимок их выступления, позволяющий увидеть, каким чудищем был сам Рондер и какой необыкновенной красавицей — его жена. В ходе следствия удалось установить, что на каком-то этапе лев стал опасен. Но, видимо, привычность риска породила небрежность, и внимания на это не обратили. Льва кормили по ночам либо сам Рондер, либо его жена. Иногда — оба. Никому другому кормление не доверялось: хищник должен твердо знать своих благодетелей. Так вот, в ту ночь, семь лет назад, когда они вдвоем вошли в клетку, чтобы покормить питомца, разыгралась кровавая драма. Около полуночи весь цирковой лагерь оказался разбужен громким ревом хищника и пронзительными женскими криками. Все служители цирка выбежали из палаток с фонарями, в свете которых их глазам предстало ужасающее зрелище. Метрах в десяти от открытой клетки распростерлось тело Рондера с проломленным черепом и глубокими ссадинами на голове. Возле распахнутой двери навзничь лежала его жена. Разъяренный

зверь рвал женщине лицо, и казалось, его не остановить. Несколько артистов цирка, в том числе силач Леонардо и клоун Григе, шестью кое-как оттеснили льва. Им удалось загнать его в клетку. Как все это могло произойти? В свидетельских показаниях не содержалось ничего интересного. Правда, кто-то сказал, что миссис Рондер, когда ее переносили в вагончик, кричала в бреду: «Предатель! Трус!» Прошло шесть месяцев, прежде чем она смогла дать показания. Но тем не менее дознание было проведено и завершилось вынесением вердикта: смерть в результате несчастного случая.

— Предполагать что-то иное было бы нелепо, — вмешался я.

— Возможно, вы были бы и правы, друг мой, только некоторые обстоятельства тогда насторожили молодого следователя Эдмундса из беркширской полиции. О, это был проворный малый! Потом он уехал работать в Индию. От него я и услышал подробности этого дела, когда он однажды зашел ко мне отдохнуть и выкурить трубку.

— Кажется, я его помню: худощавый мужчина с абсолютно белыми волосами.

— Именно! Я полагаю, скоро вы все вспомните.

— Ну а что же его смущало?

— Восстановить ход событий оказалось дьявольски трудно. Представьте себе: лев вырывается на свободу, делает несколько прыжков и оказывается рядом с Рондером. Укротитель обращается в бегство — ведь следы когтей были на затылке. Но лев сбивает его с ног и, вместо того чтобы бежать дальше, возвращается к женщине, находившейся возле самой клетки, и раздирает ей лицо. Как вы считаете, может насторожить такое поведение зверя? Может! Да еще эти восклицания женщины в полубредовом состоянии, которые, видимо, должны были означать, что муж подвел миссис Рондер. Но есть и кое-что более любопытное. В деле имелись показания, утверждавшие, что именно в тот момент, когда зарычал лев и в ужасе закричала женщина, раздался испуганный крик мужчины.

— Без сомнения, это был Рондер.

— Ну, знаете, человек с проломленным черепом едва ли способен кричать. Однако по крайней мере двое свидетелей утверждали, что слышали мужской голос одновременно с женским.

— Вероятно, к тому времени крики уже неслись по всему лагерю. Что же касается остальных пунктов, вызывающих настороженность, то, думаю, смогу предложить разгадку.

— Буду рад услышать.

— Супруги находились шагах в десяти от клетки, когда лев вырвался на свободу. Муж обратился в бегство, но был сбит с ног. Жена решила укрыться в клетке и захлопнуть дверцу, — это было бы для нее единственным спасением. Она бросилась туда и уже почти достигла цели, когда зверь ринулся за ней, догнал и повалил на землю. Действия мужа, который своим бегством возбудил ярость хищника, вызвали справедливый гнев у женщины. Вдвоем они могли попытаться усмирить льва. Потому она и воскликнула: «Трус!»

— Блестяще, Уотсон! Правда, в вашей жемчужине имеется существенный изъян.

— Что за изъян, Холмс?

— Если они оба находились на расстоянии десяти шагов от клетки, каким же образом зверю удалось освободиться? И почему он так свирепо набросился на них? Ведь Король Сахары привык работать с хозяевами в клетке и выполнять различные трюки.

— Скорее всего, кто-то непонятным образом разъярил хищника.

Холмс задумался, потом сказал:

— Видите ли, Уотсон, некоторые факты говорят в поддержку вашей версии. Врагов у Рондера было предостаточно. Эдмундс рассказывал мне, каким страшным человеком он становился, когда напивался. Именно воспоминания о покойном, я полагаю, и являлись причиной ночных криков о чудовище, про которое упоминала наша посетительница. Однако пока любые предположения беспочвенны. Вон там на буфете стоит бутылка хорошего вина и холодная куропатка. Нам следует немного подкрепиться, прежде чем отправиться в путь.

Когда экипаж доставил нас к дому, принадлежавшему миссис Меррилоу, дородная хозяйка скромного уединенного жилища ждала у распахнутых дверей. Не вызывало сомнений, что ее главным образом беспокоила перспектива потерять выгодную квартирантку. Поэтому, прежде чем провести нас наверх, миссис Меррилоу попросила не говорить и не делать ничего, способного привести к столь нежелательным последствиям. Успокоив хозяйку, мы проследовали за ней наверх по лестнице, застеленной недорогим ковром, и оказались в комнате, где жила таинственная незнакомка.

Прежде эта женщина держала в неволе диких зверей, а теперь судьба ее самое превратила в существо, загнанное в клетку. Миссис Рондер сидела в продавленном кресле, расположенном в темном углу. Долгие годы бездействия сделали ее фигуру тяжелой, а ведь наверняка в прежние времена она была очень хороша. Лицо квартирантки скрывалось за плотной вуалью, опускавшейся до верхней губы. Открытыми оставались только красивый рот и изящный подбородок. Да, это была незаурядной красоты женщина. И голос у нее оказался ровным и приятным.

— Мое имя вам, конечно, знакомо, мистер Холмс, — произнесла она. — Я знала, что, услышав его, вы непременно придете ко мне.

— Совершенно верно, мадам. Хотя, право, не понимаю, откуда вам известно о моем интересе...

— После выздоровления меня допрашивал мистер Эдмундс из местной полиции. Мне пришлось тогда обмануть его. Возможно, сказать всю правду было разумней?

— В любом случае скрывать истину нехорошо. Но почему же вы ее скрыли?

— Потому что от этого зависела судьба другого человека. Он оказался существом никчемным, я знаю, но мне не хотелось сознательно губить его. Мы были так близки с ним!

— А разве теперь этого препятствия не существует?

— Да, сэр. Мужчина, о котором я говорю, уже мертв.

— Тогда почему бы сейчас не сообщить полиции все, что вам известно?

— Я обязана думать еще об одном человеке — о себе. Публичного скандала и сплетен, которые неминуемо вызовет новое полицейское разбирательство, мне не вынести. Жить и так осталось совсем мало. Хочется умереть спокойно. Но в

то же время просто необходимо найти справедливого, рассудительного человека и доверить ему мою печальную историю, чтобы он смог все разъяснить, когда меня не станет.

— Вы мне льстите, мадам. Но у меня свои принципы. Не стану заранее обещать, что после вашего рассказа не сочту своим долгом передать дело в руки полиции.

— Думаю, этого не потребуется, мистер Холмс. Я достаточно хорошо изучила ваши методы работы, поскольку на протяжении семи последних лет слежу за уголовной хроникой. Судьба оставила мне единственное удовольствие — чтение, и я интересуюсь практически всем... Итак, рискну рассказать о своей трагедии.

— Мы готовы внимательно выслушать вас.

Женщина подошла к комоду и достала из ящика фотографию. Человек, изображенный на ней, очевидно, был акробатом. Настоящий атлет удивительного телосложения, снятый со скрещенными на могучей груди огромными руками и улыбкой, пробивающейся сквозь густые усы, — самодовольной улыбкой мужчины, одержавшего множество побед.

— Это Леонардо, — сказала она. — А это... мой муж.

Второе лицо было ужасным, так явственно выделялись на нем звериные черты. Такой, как у него, отвратительный рот легко представить постоянно чавкающим, с пеной ярости на губах. Во взгляде узких злых глазок ощущалась неприкрытая враждебность, обращенная на весь мир. Обрюзгшая физиономия, на которой словно начертано: грубиян, негодяй, чудовище.

— Эти два фото помогут вам, джентльмены, понять историю бедной цирковой девочки, выросшей на арене. В десять лет я уже прыгала сквозь обруч, а когда подросла и повзрослела, Рондер влюбился в меня, если так можно сказать о его низменной страсти. В недобрый час мы заключили брачный союз, и с того дня я словно в ад попала. Он стал дьяволом, постоянно мучившим меня. В цирке все знали, как муж ко мне относился. Бросал меня ради других женщин. А если я начинала протестовать, связывал мне руки и ноги и истязал хлыстом. Меня тайком жалели, его осуждали, но сделать ничего не могли — боялись. Рондер вызывал у окружающих страх, а когда напивался — в нем просыпалась кровожадность. Время от времени его судили за оскорбление действием, угрозы или жестокое обращение с животными, но штрафы ровно ничего для него не значили: денег у него было много. От нас ушли лучшие артисты, и авторитет цирка заметно пошатнулся. Былую славу немного поддерживали только Леонардо, я да наш клоун, малыш Джимми Григс, который старался, как мог, сохранить программу, хотя у него тоже не имелось особых поводов для веселья.

Со временем Леонардо стал все больше и больше входить в мою жизнь. Вы видели, каким он был. Потом-то я узнала, какая мелкая душонка скрывалась за великолепной внешностью. Однако по сравнению с мужем силач казался мне сущим ангелом. Он жалел меня и помогал, чем мог. В конце концов наши отношения переросли в любовь — глубокую и страстную, такую, о какой я лишь мечтала. Муж подозревал нас, но Леонардо был единственным в цирке человеком, которого он побаивался. И Рондер мстил, мучая меня больше обычного. Однажды вечером мои крики услышал Леонардо и прибежал к дверям

нашего вагончика. Трагедии тогда едва удалось избежать, но скоро я и Леонардо, мой любимый Леонардо, поняли, что иного выхода нет: мой муж должен умереть.

Леонардо обладал ясным умом, он-то и придумал все. Говорю это не для того, чтобы обвинить сейчас только его. Я готова была идти с ним на что угодно. Просто на такой план у меня не хватило бы воображения. Мы... Леонардо изготовил тяжелую дубинку и на ее свинцовой головке укрепил пять длинных стальных гвоздей с остриями, торчащими наподобие выпущенных когтей на львиной лапе. Ею и собирались нанести Рондеру смертельный удар, а оставленный след свидетельствовал бы о том, что все совершил лев, которого мы собирались потом выпустить из клетки.

Когда муж и я, по обыкновению, отправились кормить своего Короля, стояла кромешная тьма. В оцинкованном ведре мы несли сырое мясо. Леонардо прятался за углом большого фургона, мимо которого лежал наш путь к клетке. Леонардо замешкался и не успел нанести удар, когда Рондер проходил рядом с ним. Тогда он на цыпочках последовал за нами, и я услышала, как его дубинка проломила мужу череп. Подбежав к клетке, я открыла защелку.

А затем случилось непредвиденное. Вы, вероятно, знаете, как хорошо чувствуют хищники человеческую кровь. Некий неведомый нам инстинкт мгновенно сработал. И едва решетчатая дверь оказалась приоткрытой, зверь выскочил на свободу и в тот же миг ринулся на меня. Леонардо мог прийти на помощь, но растерялся и с воплем ужаса бросился прочь. Я видела все своими глазами. Тут страшные клыки сомкнулись на моем лице. Попыталась руками оттолкнуть огромную окровавленную пасть и позвать на помощь, затем услышала, что наш лагерь пришел в движение. От горячего зловонного дыхания я почти лишилась чувств и уже не ощущала боли. Смутно помню нескольких подбежавших мужчин. Среди других там были Леонардо и Григс. Больше в моем сознании не сохранилось ничего, мистер Холмс. Долгие месяцы прошли в беспомыслии. Когда же наконец я пришла в себя и увидела в зеркале свое лицо... о ужас! Что со мной было! Я проклинала своего Короля за то, что он оставил мне жизнь. Хорошо, что я имела деньги и могла позволить себе уединенную жизнь. Словно раненое жалкое животное, я забилась в нору, чтобы ждать своей смерти. Таков конец Эжени Рондер.

Несчастливая женщина завершила свой рассказ, и мы долго сидели молча. Потом Холмс протянул руку и ободряюще похлопал ее по плечу с выражением такого участия, которое я редко наблюдал у него.

— Сочувствую вам, — произнес он. — Судьба обошлась с вами жестоко. Что же стало потом с Леонардо?

— С тех пор я не виделась с ним, но не осуждала его, потому что видела, во что превратил меня зверь. Я продолжала любить, хотя Леонардо, бросив меня в когтях зверя, затем покинул вообще. И все-таки я не могла отправить его на каторгу. Поверьте мне, мистер Холмс, вовсе не из страха наказания, грозившего мне самой. Разве есть что-нибудь более ужасное, чем существование, подобное моему?

— А теперь он мертв?

— Да, месяц назад утонул во время купания где-то возле Маргейта. Сообщение о его гибели я прочитала в газете.

— Куда делась его дубинка с пятью когтями? Именно она является самым необычным и неповторимым моментом во всей этой истории.

— Не могу сказать, мистер Холмс.

— Ну, хорошо. Сейчас это не имеет особого значения. Дело-то уже закрыто.

— Да, — ответила женщина, — теперь дело закрыто наверняка.

Мы поднялись, чтобы уйти, но что-то в голосе женщины насторожило Холмса. Он поспешно повернулся к ней.

— Помните, миссис Рондер: жизнь, какой бы она ни была, прекрасна. Жизнь — это судьба, и от судьбы своей нельзя отрезаться.

— А кому она нужна, такая жизнь? Или судьба, как вы говорите.

— Образец терпения, с которым переносят страдания, — сам по себе полезный урок для нашего беспокойного мира, дорогая Эжени Рондер.

Ее реакция на эти слова оказалась просто страшной. Она подняла вуаль и кинулась к свету.

О, это было ужасно! Никакие слова не способны выразить то, что мы увидели. Прекрасные живые глаза загнанно глядели на нас, а мы видели лишь безобразные руины на ее некогда прекрасном лице.

Когда два дня спустя я зашел к своему другу, он с гордостью указал на небольшой пузырек на каминной полке. Я взял его в руки. Красивая этикетка, какие бывают на ядах. Открыв флакон, я почувствовал приятный миндальный запах.

— Синильная кислота, — определил я.

— Именно. Пришла по почте. Записка гласила: «Посылаю Вам свое искушение. Последую Вашему совету». Думаю, нам не составит труда угадать имя отправителя, Уотсон.